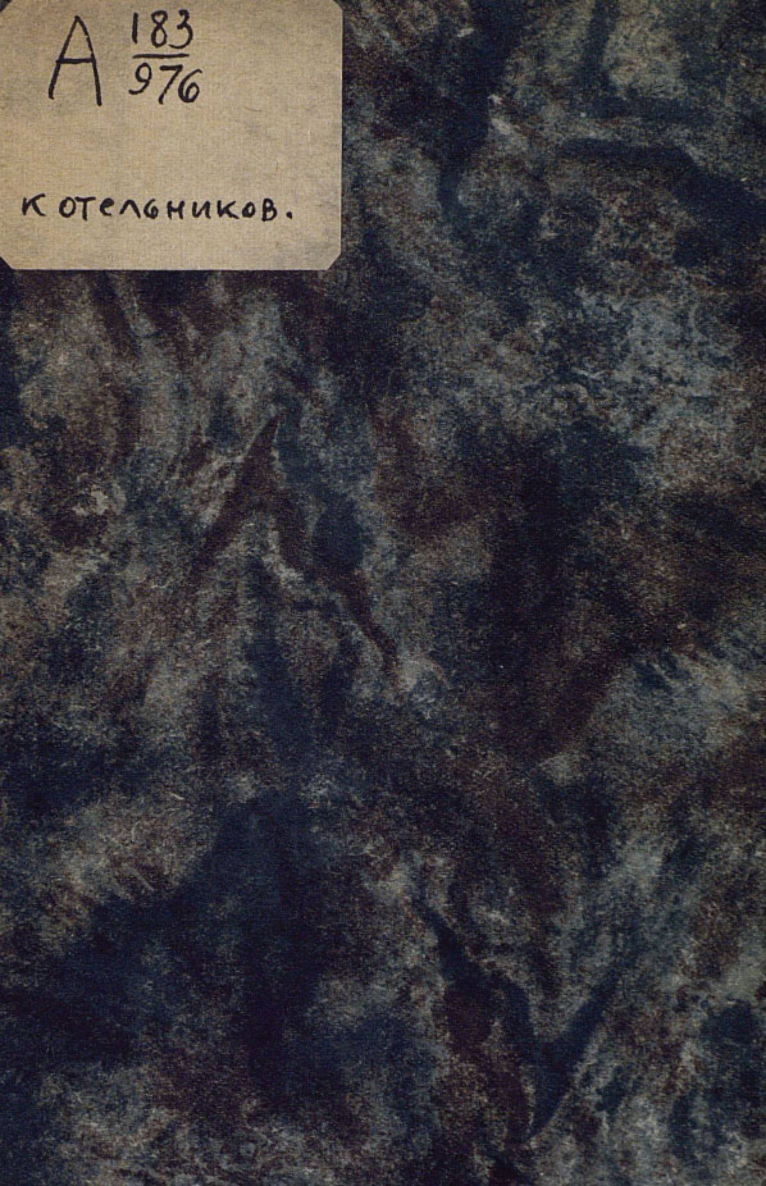

A 183/976
Котельников.

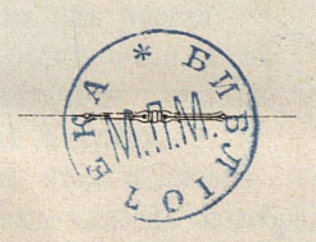
Русскія народныя
СКАЗКИ
ВЪ СТИХАХЪ
М. В. КОТЕЛЬНИКОВА

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ

СКАЗКИ

ВЪ СТИХАХЪ

М. В. Котельникова.

МОСКВА.
Типографія И. И. Смирнова, Кудрино, соб. домъ.
1880.

Дозволено цензурой. Москва, 8 декабря 1879 г.

1.

Гуси.

Жилъ былъ добрый мужичекъ
Далеко не простачекъ,
Но нуждался очень много
Онъ съ огромною семьей,
И въ душѣ его порой
Поднималася тревога:
Отъ тяжелаго труда
Получалъ онъ иногда
Платы очень, очень мало,
И на хлѣбъ не доставало.
А порой у мужика
Въ домѣ нѣтъ и пятака.
Разъ такъ хлѣбецъ подобрался,
Что и корки въ домѣ нѣтъ;
Птицъ давно пропалъ и слѣдъ,

На разживу же остался
Только сѣрый гусь одинъ,
И вотъ гуся властелинъ
Вдругъ случайно спохватился
И на хитрости пустился:
Гуся тотчасъ онъ поймалъ
И зажарить приказалъ,
А, зажаривъ, эту птицу,
Завернулъ ее въ тряпицу
И на барскій дворъ идетъ,
На поклонъ ее несетъ.
Вотъ на барскій дворъ приходитъ,
Робкимъ взоромъ все обводитъ,
Самъ же думаетъ: сыскать
Вѣдь дворецкаго мнѣ надо
Не пригоже безъ доклада
Мнѣ предъ барина предстать.
Вотъ идетъ дворецкій. „Дома
Нашъ бояринъ?“ онъ спросилъ.
„Доложи молъ, что Ерема
Убѣдительно просилъ,
Чтобъ позволилъ онъ явиться,
Я пришелъ молъ поклониться
Да принесъ молъ вамъ гуська“.

Баринъ принялъ мужика.
„Ну спасибо братъ Ерема,
Всель у васъ исправно дома?“
—„Все какъ есть, благодарю
И гуська тебѣ дарю.“—
„Насъ вѣдь шестеро, такъ птицу
Надо всѣмъ намъ раздѣлить:
Мы съ хозяйкой, двѣ дѣвицы
Да два сына.“—„Такъ и быть
Я, бояринъ попытаюсь
Съ этимъ дѣломъ совладать
И душевно постараюсь
Никого не обижать.
Ты вѣдь старшій надъ семьею,
То есть значитъ голова,
Такъ владѣй же головою.
А какъ вѣкъ гласитъ молва,
Что хозяйка домосѣдка,
Ровно что твоя насѣдка,
То и гузка ей идетъ.“
И онъ гузку ей даетъ.
„Чтожъ до парней, имъ придется
Русь святую защищать,
То прилично, мнѣ сдается,

Обѣ ноги имъ отдать.
Получить должны дѣвицы
Два крыла: вѣдь изъ свѣтлицы
Дѣвки тотчасъ упорхнутъ,
Только суженыхъ найдутъ.
Хлупъ себѣ я оставляю:
Вѣдь мужикъ и сѣръ и глупъ,
Потому, я пологаю,
Пусть себѣ и ѣстъ онъ хлупъ."
Баринъ тутъ расхохотался
И Ерему похвалилъ,
Съ нимъ шутливо распрощался
И казною наградилъ.
Но узналъ мужикъ богатый,
Что съ Еремой рядомъ жилъ,
Какъ Ерема плутоватый
Гуся барину дѣлилъ,
И сосѣда зависть гложетъ
Надо къ барину идти,
И какъ онъ богатъ, то можетъ
И по больше принести.
Вотъ онъ пять гусей отличныхъ,
Самыхъ кормленныхъ беретъ
И живьемъ въ саняхъ столичныхъ

Прямо къ барину везетъ.
Баринъ даръ тотъ принимаетъ,
Но съ улыбкой прибавляетъ,
„Ну дѣли же ты гусей
Намъ на равныхъ шесть долей“.
Но крестьянинъ какъ не бился,
Какъ затылокъ не чесалъ,
Но дѣлить онъ не рѣшился.
„Глупъ ты!“ баринъ тутъ сказалъ.
„Вотъ Ерема дѣло знаетъ!“
И опять дѣлить гусей
За Еремой посылаетъ
Онъ въ село своихъ людей.
И приходитъ нашъ Ерема
Въ поясъ барину поклонъ.
Онъ въ покояхъ будто дома—
Такъ свободно веселъ онъ.
„Вотъ, Еремка, между нами
Пять гусей ты раздѣли,
Только равными частями,
Никого не обдѣли“.
—„Ладно! дѣло тутъ простое!
Ты съ хозяйкою своей,
Значитъ, васъ выходитъ двое,

Гусь еще—вы самъ-третей.
Дочки двѣ, молъ двѣ дѣвицы,
Къ нимъ для равности частей
Я еще прибавлю птицу —
Тоже выйдетъ самъ-третей.
Два парнишка я считаю,
И по совѣсти моей
Къ нимъ я гуся прибавляю —
Тоже будетъ самъ—третей.
Два же гуся, какъ ведется
Между всѣхъ честныхъ людей,
Мнѣ за хлопоты придется,
Чтобъ и я былъ самъ-третей"...
—„Ну Ерема отличился!"
Баринъ весело сказалъ:
„Ты умно распорядился"!
А богатаго прогналъ.
И догадливый Ерема
Межъ своими снова дома,
Онъ съ гусями да съ казной
И не знается съ нуждой.

2.

Лисичка.

Какъ-то дѣдъ съ старухой жилъ.
Разъ онъ молвилъ: „Ну, старуха,
Ты вѣдь знатная стряпуха!
Дровъ тебѣ я нарубилъ;
Покидай-ка ты ихъ въ печку,
Приготовь ее топить,
Я-жъ поѣду самъ на рѣчку
Малость рыбы половить.“
Наловилъ онъ рыбы много
Чуть ни цѣлый возъ большой,
И проселочной дорогой
Везъ ее къ себѣ домой.
Вдругъ старикъ нашъ замѣчаетъ,
Что лисица подъ кустомъ
Преспокойно отдыхаетъ,
Вся свернувшись калачемъ.
„Хоть и прожилъ я вѣкъ цѣлый,
Но ни разу не слыхалъ,

Чтобы кто когда въ день бѣлый
Такъ лисицу повстрѣчалъ.
Странно мнѣ не шелохнется,
Будто мертвая она;
Видно взять ее придется:
Шкура все-жъ ея годна.
Знать ходила за плотину,
Тамъ въ курятникѣ была,
Ей помяли видно спину,
Вотъ пришла и умерла.
Звѣрь пригодный вѣдь лисица,"
Говоритъ себѣ старикъ:
„Хоть по хуже чѣмъ куница,
А пойдетъ на воротникъ".
Старецъ звѣря поднимаетъ
И на возъ его кладетъ.
„Баба дома вѣдь не знаетъ,
Что старикъ ей привезетъ",
Молвитъ онъ, пустясь въ дорогу.
Но лисица вѣдь хитра
Глядь въ телѣгѣ есть дыра,
И она тутъ по немногу
Дѣло такъ хитро вела,
Что всю рыбу внизъ спустила

Да какъ дѣло порѣшила,
Такъ увертлива была,
Что съ тѣлѣги ускользнула
И подъ кустики шмыгнула,
А потомъ и въ лѣсъ ушла.
Дѣдъ домой лишь воротился,
Кличетъ бабу: „Ей поди!
На товаръ мой погляди.
Нонѣ дѣдъ твой отличился!“
Старецъ бабѣ говорилъ
„Наловилъ я рыбы много,
Да притомъ еще дорогой
Воротникъ тебѣ купилъ“.
Баба тотчасъ подоспѣла,
Чтобъ подарки принимать,
Но лишь на возъ посмотрѣла,—
Старика давай ругать.
—„Что ты старый! аль рехнулся?
Гдѣ же рыба? воротникъ?“—
Тутъ невольно улыбнулся
Нашъ обманутый старикъ.
„Эта притча вотъ какая!“
Тихо бабѣ онъ сказалъ:
„Вѣдь лиса была живая—

Воротникъ нашъ въ лѣсъ удралъ,
Да и рыбу по немногу,
Знать, спустилъ онъ на дорогу.

3.

Мужикъ и заяцъ.

Шелъ мужикъ однажды лѣсомъ
Подъ живымъ вѣтвей навѣсомъ
Сильно въ думу погруженъ,
Вдругъ случайно видитъ онъ
Передъ нимъ трава густая,
А въ травѣ сидитъ, моргая,
Заяцъ уши навостривъ,
Хоть мужикъ не говорливъ,
Но невольно разыгрались
Мысли тутъ у мужика
(Эти случаи встрѣчались).
„Вотъ убью я дурака,“
Думалъ онъ: „продамъ зайчушку,
Да куплю себѣ свинушку,

Та родитъ какъ за урядъ
Мнѣ двѣнадцать поросятъ,
А отъ нихъ ужъ ждать мнѣ надо
Черезъ годъ большаго стада.
Откормлю я тѣхъ свиней
И, дождавшись зимнихъ дней,
Я съ рождественскимъ морозомъ
Потянусь въ Москву съ обозомъ,
И однимъ базарнымъ днемъ
Я продамъ свиней въ столицѣ,
Да куплю себѣ землицы,
А на ней построю домъ,
Да и самъ женюсь потомъ.
Мнѣ жена родитъ сыночковъ,
Просто чудо паренечковъ,
Ваську съ Ванькой—значитъ я—
Не одинъ—со мной семья.
Дѣтки поле мнѣ вспахаютъ
И съ народомъ будутъ жать,
Я-жъ порядки имъ давать:
Пусть они порядки знаютъ.
Васька! Ванька! роботай!
Да народъ не принуждай!
Вы въ нуждѣ вѣдь не бывали

Да и бѣдности не знали“..
И такъ громко крикнулъ онъ,
Что нашъ заяцъ испугался,
Будто громомъ пораженъ,
И проворно вдаль умчался.
Тутъ-то понялъ нашъ мужикъ,
Что испортилъ дѣло крикъ,
Самъ же такъ онъ потерялся,
Что на мѣстѣ тутъ остался,
Словно нѣмъ и недвижимъ,
Какъ свершившій святотатство,
А семейство и богатство,
Все разсѣялось какъ дымъ.

4.

Солдатскія проказы.

Разъ жила была старуха
Ужъ такая баба-ухо,
Что какъ рѣчь съ ней поведешь,
То ее не проведешь,
И скупа была не въ мѣру.

Вотъ случилось разъ къ примѣру
Ей солдатиковъ принять
Да служивыхъ угощать.
Такъ она ихъ угостила,
Что потомъ сама тужила.
Хоть умненько начала,
Но солдатъ не провела.
Вотъ приходятъ разъ солдаты,
Оглядѣли стѣны хаты,
Да и просятъ: „Дай поѣсть!"
— „Ахъ вы, воины ребята!
Что у старой бабы есть?
Вѣдь старуха не богата.
Вотъ вамъ хлѣбъ да старый квасъ,
Угощаю этимъ васъ."—
Но солдаты больно ловки,
Знаютъ бабьи всѣ уловки;
Вышелъ тутъ одинъ изъ нихъ
И тотчасъ же воротился.
„Слышь ты, баба, скотъ возился
Посреди сноповъ твоихъ.
Вижу скотъ снопы кидаетъ,
Рожь на землю разсыпаетъ.
Я пришелъ тебѣ сказать:

Надо, баба, скотъ унять.“
И старуха побѣжала,
На скотину закричала,
Но солдатъ смекнулъ какъ разъ,
Что въ печи пѣтухъ варится.
Какъ же тутъ не поживиться,
Хоть бы только для проказъ.
Онъ тутъ печку отворяетъ,
Птицу быстро вынимаетъ
Изъ горячаго горшка,
А на мѣсто пѣтушка
Старый лапоть опускаетъ
Онъ въ муравленный горшокъ
Да и въ печку въ уголокъ
Супъ проворно задвигаетъ;
Птицу жъ въ сумку онъ кладетъ.
Вотъ старуха возвратилась,
На служивыхъ напустилась
И во всю гортань оретъ.
„Вы скотину распустили!“
— „Мы къ скоту не подходили!“ —
Тутъ солдаты ей въ отвѣтъ:
„Да и что, скажи, за слѣдъ
Со скотиной намъ возиться!

Полно, бабушка, сердиться.
Ты насъ лучше покорми,
Хлѣба съ полки намъ сними,
Да кваску намъ дай, да соли.
Двадцать верстъ мы отмололи,
Да не ѣли два денька."—
„Богъ васъ, дѣтки, охраняетъ!
Молвя, баба предлагаетъ
Тутъ солдатамъ хлѣбъ да квасъ.
„Вы солдатики, смѣкайте,
Мнѣ загадку отгадайте,
Я отвѣта жду отъ васъ.
Нонѣ въ Пенскомъ-Черепенномъ
Въ одѣяніи военномъ
Живъ ли тотъ задорный панъ,
Куруханычъ Куруханъ,
Что бывалъ подъ сковородкой?"
— „Нонѣ дворянинъ природной
Плетуханычъ Плетуханъ."—
„Какъ! а гдѣ же Куруханъ?"
— Куруханъ, должно, за службу,
Аль съ начальствомъ, знать, за дружбу
Взысканъ милостію онъ:
Въ Суминъ-градъ переведенъ."—

И старуха засмѣялась,
Но совсѣмъ не догадалась,
Что солдатъ ее надулъ,
Пѣтуха у ней стянулъ.
„Мудрено на свѣтѣ, право!“
Тутъ старуха говоритъ,
А сама на печь глядитъ.
— „Ну счастливо оставаться?“ —
Ей солдатики въ отвѣтъ:
„Благодарствуй за привѣтъ!
Намъ ужъ время, отправляться.‘ —
И ушли себѣ въ походъ.
Вотъ старухинъ сынъ идетъ
Только въ избу онъ ввалился
Да старухѣ поклонился
И едва успѣлъ лишь сѣсть
Проситъ: „Мать! давай поѣсть!“
—„Ну садись-ка, мой родимый,
Нонѣ супъ-то твой любимый.
Гости были тутъ у насъ,
Ужъ и хлопоты мнѣ были,
Все горячаго просили,
Я дала имъ хлѣбъ да квасъ,
Да загадку загадала,

Имъ въ глаза туманъ пускала,
Но понять имъ не далось,
Такъ и дѣло обошлось.
Ты рѣчей моихъ послушай,
Я сварила пѣтушка,
Онъ тебя ужъ ожидаетъ.“—
Вдругъ старуха вынимаетъ
Старый лапоть изъ горшка.
„Ахъ! чтобъ имъ тутъ пусто было!“
Старушенка завопила:
„Обманули наглецы!“
—„А по мнѣ, такъ молодцы!
Ты все лясы имъ точила,
Да загадки говорила,
А они свое нашли,
Да съ добычей и ушли.
Знай: солдатъ вѣдь ловкій малый,
Да и парень-то бывалый—
Съ нимъ тягаться мудрено,
Это знаютъ всѣ давно.“

5.

Топоръ.

Разъ солдатикъ изъ похода,
После дальняго прохода,
Съ сумкой, ранцемъ и съ ружьемъ
Вдругъ взошелъ въ крестьянскій домъ.
У стола пряла старуха;
Онъ къ старухѣ: „Дай поѣсть!"
Та была крѣпка на ухо,
Молвитъ:—„На гвоздѣ повѣсь!"—
„Аль глуха ты, что не чуешь!"
Бабѣ тутъ солдатъ кричитъ.
—„Гдѣ ты хошь, тамъ и ночуешь!"—
Тихо баба говоритъ.
А солдатъ ужъ съ кулаками,
Разсердясь, подходитъ къ ней.
„Что?" спросила та съ слезами:
„Нужно милости твоей?".
—„Ахъ ты, старая хрычовка,
Прошлогодній дряблый грибъ!
Аль ты хочешь потасовки,
Да чтобъ глухость я отшибъ?

Что ты жмешься, подхолима!
Слышишь, кашицы давай!"—
„Нѣту кашицы, родимой,
Вотъ ужъ мѣсяцъ почитай."
—„Какъ нѣтъ каши, что за диво!
Что ты, баба, мелешь вздоръ.
Затопляй-ка печку живо,
Да давай сюда топоръ.
Кашу я сварю такую,
Что хоть пальцы облизать."
—„Еслибъ рѣчь повелъ иную,
Я-бъ могла еще понять,
Но вѣдь это просто чудо.
Какъ топоръ въ горшкѣ варить!"—
„Будетъ кушанье не худо,
Что намъ долго говорить.
Дай топоръ—мое тутъ дѣло".
Баба спорить не посмѣла;
Въ клѣть къ себѣ она пошла
И топоръ свой принесла.
Топорище воинъ вынулъ,
Положилъ топоръ въ горшокъ,
Всѣ полѣнья пораздвинулъ
И поставилъ въ огонекъ,

И вода кипитъ ужъ въ волю .
„Ну, старушка, не плошай!
Дай-ко крупокъ малу долю,
Да и сольцы мнѣ подай.“
Крупъ старуха отыскала,
Соли тоже подала.
„Чтожъ ты масла не достала
Да и хлѣбъ не принесла.“
—„Виновата, позабыла;
Я сей часъ могу принесть.“
И какъ все готово было
Воинъ съ бабой стали ѣсть.
„Ай да каша! ну служивый
Мастеръ ты изъ мастеровъ!
Просто кашица на диво!
А топоръ?“—„Да не готовъ.
Эхъ ты, бабушка, простуха—
Надоть вновь его варить.“—
И повѣрила старуха,
Что вѣдь такъ должно и быть.
„Я топоръ возьму съ собою,
Ворочусь, такъ доворю.
А теперь Господь съ тобою!
За обѣдъ благодарю.“

Съ нимъ старуха попрощалась,
Какъ онъ клалъ топоръ въ суму.
Послѣ долго диволалась
Все солдатскому уму.

6.

Собака и дятелъ.

Жилъ старикъ съ своей старухой
Да съ собакой карнаухой;
Долго песъ у старцевъ жилъ,
Долго старцамъ онъ служилъ;
Но когда онъ сталъ слабѣе
И работалъ повялѣе,
То старуха говоритъ:
„Песъ состарѣлся ужъ больно,
Жить ему у насъ довольно,
Онъ вѣдь то и дѣло спитъ.
Ты возьмешь, старикъ, поддевку,
Пса привяжешь на веревку,

И веди съ двора долой.
Пусть живетъ онъ самъ собой"...
Старику тутъ жалко стало
Пса съ двора долой прогнать;
Но старуха приказала,
Ей не смѣлъ онъ возражать—
И съ собакою разстался.
Бѣдный песъ одинъ остался
Въ чистомъ полѣ подъ кустомъ.
Грустно машетъ онъ хвостомъ
Да и воетъ такъ уныло.
Дятелъ мимо тутъ летѣлъ
И на кустикѣ присѣлъ.
„Что ты воешь такъ, мой милой?"
Пса онъ ласково спросилъ.
—„Какъ не выть. Служилъ я вѣрно
Да и велъ себя примѣрно,
Но подъ старость прогнанъ былъ."—
„Полно, другъ мой, вотъ охота
Тосковать, да горевать.
Вѣрь мнѣ: сыщется работа,
Только помни: не зѣвать
Брось тоску, пойдемъ со мною,
Тамъ, подъ липою большою

Будемъ тихо мирно жить.
Ты насъ станешь сторожить,
Яжъ достану пищи знатной,
Будетъ жизнь тебѣ пріятна
И не станемъ мы тужить".
Песъ тутъ съ дятломъ подружился
И подъ старой липой легъ.
Дятелъ же въ дупло спустился.
Рано утромъ, лишь востокъ
Зарумянился зарею,
Дятелъ быстрою стрѣлою
На добычу полетѣлъ,
Но скорехонько вернулся.
Вѣрный другъ его проснулся,
„Ну, мой песъ, вставай, свѣтло.
Нынче надо намъ въ село:
Свадьбу тамъ въ избѣ справляютъ
И ѣду приготовляютъ.
Вѣрно будетъ пиръ горой:
Поживимся мы съ тобой."
И лишь полдень наступаетъ
Дятелъ друга подзываетъ
Свадьбу русскую справлять
И на свадьбѣ пировать.

Вотъ въ село они явились,
Ужъ на свадьбѣ веселились,
Пѣли пѣсни за столомъ,
Угощалися виномъ.
Дятелъ въ комнату влетаетъ.
Рюмки крыльями роняетъ.
Гости, вставъ и за стола
Дятла бойкаго ловили,
Пироги съ стола сронили
А собака тутъ взошла,
Да и досыта наѣлась,
Дятелъ вылетѣлъ въ окно
И компанья вся усѣлась;
А собака ужъ давно
Въ полѣ дятла ожидала,
И лишь только увидала
Друга вѣрнаго полетъ,
Какъ къ себѣ его зоветъ.
„Что до сыта-ли наѣлась?“
Добрый дятелъ тутъ спросилъ.
— „Да, и въ волю насмотрѣлась,
Какъ гостей ты вспололошилъ
Ужъ куда вы дятлы ловки!
Не смотря на ихъ уловки

Всеж ъ ты счастливо удралъ,
Только хвостъ имъ показалъ.“—
„Чтожъ, собака, ты довольна?“
—„Да, но жажда мучитъ больно.
Какъ бы намъ чего попить!“—
„Это горе не большое—
Намъ напиться такъ легко:
Вотъ отъ насъ недалеко
Есть село; мужикъ въ покоѣ
Цѣдитъ тамъ свое вино,
Пригодится намъ оно.“
И въ село они пустились,
И когда туда явились,
Ужъ мужикъ вино цѣдилъ.
Дятелъ нашъ проворенъ былъ,
Онъ тотчасъ въ окно влетаетъ
И усердно начинаетъ
Бочку носомъ въ дно долбить,
Палку тутъ мужикъ хватаетъ,
Что-бы дятла ей убить,
Но лишь ею замахнется,
Дятелъ тотчасъ увернется,
А вино себѣ течетъ,
И его собака пьетъ.

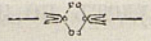
Напилась собака славно
И прокралась вонъ исправно
Да спокойно дятла ждетъ.
Дятелъ живо тутъ явился.
„Хорошо-ль, мой другъ напился?„
—„Ничего!“—отвѣтилъ тотъ:
„Только хочется ужасно
Посмѣяться,“ —песъ сказалъ.
„Посмѣяться—и прекрасно!“
Ловкій дятелъ отвѣчалъ.
Посмотри: на той полянѣ
За работою крестьяне,—
Мы съ тобой туда пойдемъ
И конечно безъ труда
Насмѣшу тебя я славно“...
—„Ты все дѣлалъ такъ исправно,
Что конечно въ этотъ разъ
Не ударишь клювомъ въ грязь.“
Дятелъ тотчасъ же спустился
На затылокъ батрака,
Въ волоса ему вцѣпился,
Да и долбитъ мужика.
Тутъ другой мужикъ озлился
И на дятла напустился,

Онъ убить его хотѣлъ
И дубиной замахнулся,
Но какъ дятелъ увернулся,
Онъ товарища огрѣлъ,
Тотъ опѣшилъ, вышла драка...
И смѣялась же собака,
Какъ Пахомъ Ивана билъ,
И какъ тотъ его тузилъ.
„Ну ужъ, дятелъ, насмѣшилъ!“
Молвилъ песъ: „Была потѣха,
И повѣришь-ли отъ смѣха
Мнѣ бока всѣ подвело“.
—„Ну теперь пора въ дупло!“
Дятелъ тутъ сказалъ: „На славу
Почудили мы съ тобой.
Бросить намъ пора забаву,
Да увидѣться съ семьей.“—
И друзья путь къ дому взяли,
Но лисицу повстрѣчали.
Дятелъ вьется надъ лисой,
То надъ самой головой,
То поднимется высоко,
То мелькнетъ ей прямо въ око,
То присядетъ, межъ вѣтвей,

То слетилъ на шею къ ней.
Какъ лисица не хитрила,
Какъ за дятломъ не слѣдила,
Не могла его поймать;
А нашъ песъ къ лисѣ вострухѣ
Подползаетъ вдругъ на брюхѣ,
Да ее за спину хвать
И давай лисицу мять.
Ѣхалъ тутъ мужикъ съ горшками
И сраженье увидалъ,
Онъ дубину быстро взялъ
И проворными шагами
Къ нимъ тотчасъ же подскочилъ
Да обѣихъ и рѣшилъ:
Протянули ноги обѣ.
А нашъ дятелъ въ сильной злобѣ
Прямо къ возу полетѣлъ
И коню на ухо сѣлъ;
Злобно крыльями махаетъ,
За товарища отмщаетъ
И въ глаза коня клюетъ.
Нашъ мужикъ къ нему идетъ
Да и хвать его дубиной
(Сильный былъ мужикъ дѣтина).

Дятелъ ловко ускользнулъ,
Конь же ноги протянулъ.
„Ахъ ты, пакостная птица,
Ужъ не черту-ли сестрица.
Но тебя я ухожу,
Да потомъ и погляжу,
Какъ ты будешь отличаться.“
И мужикъ давай гоняться
Тутъ за дятломъ, тотъ взлетитъ
И на возъ садится снова.
„Слышешь, будетъ не здорово!“
Нашъ мужикъ ему кричитъ
И по возу такъ колотитъ,
Что какъ будто рожъ молотитъ,
И несчастные горшки
Превращаетъ въ черепки.
Дятелъ долго издѣвался,
То надъ возомъ поднимался,
То на возъ спускался вновь.
Въ мужикѣ кипѣла кровь,
Онъ на дятла такъ сердился,
Что ужъ вовсе позабылъ,
Знай колотитъ по горшкамъ,
Онъ дубиной тутъ и тамъ.

И тогда лишь спохватился,
Какъ горшки совсѣмъ разбилъ
И домой поворотилъ
Безъ коня и безъ товару.
„Что! тебѣ я задалъ жару!“
Дятелъ злобно просвистѣлъ
Да и къ дому полетѣлъ,
Молвя: „Вотъ моя услуга.
Да и месть моя за друга.“

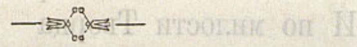
7.

Старикъ и старуха.

Въ сильный холодъ зимнимъ днемъ
Разъ старуха съ старикомъ
На печи своей сидѣли
И на поле въ даль глядѣли.
Вотъ старуха говоритъ:
„Если-бъ дѣтки у насъ были,
Мы счастливѣе-бы жили.“

—„Насъ и такъ Господь хранитъ!“—
Тутъ старикъ ей отвѣчаетъ;
Но старуха возражаетъ:
„Нѣтъ! когда-бъ намъ Богъ послалъ
Сына Ваню, дочь Алену,—
Сынъ сосѣдямъ безъ поклону
Самъ бы землю намъ вспахалъ,
А Аленушка дѣвица
Жать была бы мастерица,
И по милости Творца
Все убрали-бъ до конца,
Намъ бы хлѣба было въ волю,
Знали-бъ мы иную долю.
Стала-бъ солодъ я ростить,
Пива-бъ много наварила
И родныхъ бы пригласила
Къ намъ на здравье пиво пить.
Всѣ-бъ мои тогда родные
Къ намъ пришли бъ, пошелъ бы пиръ
Ужъ на весь крещеный мiръ,
Пѣли-бъ пѣсни, да какiя!“
Но мужикъ ей говоритъ:
—„А моихъ родныхъ забыла.“ —
„Я бъ твоихъ не пригласила,

Позвала бы лишь своихъ“
—„Нѣтъ! не надобно твоихъ!“—
Закричалъ мужикъ со злобой,
И поссорились тутъ оба.
Дѣло круто такъ пошло—
Чуть до драки не дошло.
Старики такъ развозились,
Что чуть съ печки не свалились.

8.

Лисица и котъ.

Разъ мужикъ въ деревнѣ жилъ
И житьемъ доволенъ былъ,
Да и надобно признаться,
Что причины огорчаться
Онъ не зналъ въ семьѣ своей:
Все текло такъ ладно въ ней.
Только котъ одинъ, бывало,
Наскучалъ ему не мало.

И несностный этотъ котъ
Лишь въ избу когда взойдетъ,
Бѣдокурить начинаетъ:
То онъ съ полки щи роняетъ,
То вдругъ чашку разобьетъ.
Мужику онъ такъ наскучилъ,
И ужъ такъ его измучилъ,
Что мужикъ его схватилъ
Да въ мѣшокъ и посадилъ;
Послѣ жъ въ лѣсъ отнесъ на волю,
Чтобъ онъ зналъ иную долю;
И пришло тогда коту
Ужъ совсѣмъ не въ мoготу;
Но по счастью тутъ случился
Близко домъ сторожевой,
И нашъ котъ туда пустился.
Тамъ хозяинъ былъ простой
Да кота и не замѣтилъ.
Хоть привѣта котъ не встрѣтилъ,
Но мѣстечко отыскалъ,
Гдѣ спокойно проживалъ,
Да за птичками порою
Ранней утренней зарею
На охоту выходилъ.

Разъ на ловлю котъ выходитъ
И встрѣчается съ лисой;
Въ изумленье та приходитъ:
Что за чудный звѣрь такой?
Хоть звѣрей она видала,
Но подобныхъ не встрѣчала.
Какъ лиса хитра была,
То къ коту и подошла,
Въ разговоръ съ котомъ вступила
И съ улыбкою спросила:
„Молодецъ! ты кто таковъ?
Никогда среди лѣсовъ
Я подсбныхъ не видала,
Хоть и тамъ, и сямъ живала.“
—„Я, изволишь видѣть, тотъ
Котофей Иванычъ Котъ,
Что бурмистромъ здѣсь поставленъ,
Для порядка къ вамъ приставленъ“..
„Такъ!“ лиса ему въ отвѣтъ:
„Ну пріими-же мой привѣтъ.
И какъ ты начальникъ краю,
То тебя я приглашаю
Въ гости. Вѣрь въ норѣ моей
Всякой всячины довольно:

Я живу себѣ привольно.
Все во здравье ѣшь и пей.“
Котъ въ нору къ лисѣ вступаетъ,
И лисица угощаетъ
Котофея отъ души.
Угощенья хороши!
Котъ облизываетъ губы
И скрипятъ кошачьи зубы
Въ наслажденіи большомъ,
А лиса вертитъ хвостомъ,—
И съ вопросомъ къ Котофею:
„Что? спросить тебя я смѣю:
Ты женатъ иль холостой?“
—„Не женатъ—одинъ душой?“ —
„А вѣдь я,“ ему лисица:
„Еще красная дѣвица
И невѣста для тебя;
Не возьмешь-ли за себя
Ты меня съ моимъ приданымъ?
Будешь мужемъ мнѣ желаннымъ.
Зададимъ мы пиръ горой—
Удивимъ весь людъ лѣсной!.“
Котъ тотчасъ-же согласился
И на лисанькѣ женился.

Утромъ рано лишь заря,
Въ ясномъ небѣ засвѣтилась,
Молодая въ путь пустилась
Провіанта добывать,
А вѣдь надобно сказать
Что изъ всѣхъ звѣрей лисица
Въ плутняхъ чудо-мастерица.
Вотъ идетъ она лѣскомъ,
Гдѣ ей каждый кустъ знакомъ,
Вдругъ лисицѣ волкъ попался;
Онъ какъ ловкій молодецъ
За лисицей увивался,
И лисица наконецъ
Разсердилась и сказала:
Вся достоинства полна.
„Я вѣдь больше не дѣвица,
А ужъ мужняя жена.“
„Какъ, голубушка сестрица,“
Волкъ лисицѣ отвѣчалъ:
„Кто тебя съ кѣмъ сочеталъ?“—
А лиса ему въ отвѣтъ:
„Да поздравь меня, мой свѣтъ!
Я сама не ожидала,—
Какъ въ замужнія попала.“

—„Кто-же мужъ твой? разскажи,
Да, коль можно, покажи
Вѣрно звѣрь какой высокой
Да красивый, свѣтлоокій."—
„Да, вѣдь мужъ мой самый тотъ
Котофей Иванычъ котъ,
Что бурмистромъ къ намъ поставленъ,
Для порядка къ намъ приставленъ."
—„Ай до умница кума,
Чай не думала сама,
Что въ замужство это вступишь,
Ты теперь на всѣхъ наступишь
Вѣдь покажется-же намъ
Котофей Ивановичъ самъ?"
„Нѣту, кумъ, спѣсивъ онъ больно,
Да богатъ притомъ довольно.
Если ты къ нему прійдешь,
На поклонъ что принесешь,
Такъ—примѣрно—хоть барана,
Такъ, пожалуй, выйдетъ онъ,
Хоть пустая тутъ примана,
Но вѣдь важенъ тутъ поклонъ."
Волкъ тотчасъ-же согласился
И на поиски пустился;

Онъ удачно такъ ходилъ,
Что барана притащилъ.
А лиса все въ даль спѣшила.
„Одного уговорила."
Тутъ подумала лиса:
„Наполняется киса!"
Вдругъ мѣдвѣдь съ ней повстрѣчался
Да съ лисою заболтался—
Такъ предъ нею и юлитъ.
Ухитрилась тутъ лисица.
„Я вѣдь нонѣ не дѣвица,
А замужняя жена,"
Говоритъ ему она.
—„Такъ, кума! ну отличилась!
Съ кѣмъ, скажи, ты породнилась?"—
„Знай-же: мужъ мой самый тотъ
Котофей Иванычъ Котъ,
Что бурмистромъ здѣсь поставленъ,
Для порядка къ намъ приставленъ."
„Да, твой мужъ, какъ видно, звѣрь
Именитый, и теперь
Можешь ты насъ всѣхъ обидѣть.
А нельзя-ль его мнѣ видѣть?"—
„Ну, не знаю, мудрено:

Онъ спѣсивъ уже давно,
А какъ онъ теперь правитель,
Надъ звѣрями повелитель,
То едваль къ нему дойдешь!
На поклонъ коль принесешь
Ты быка, иль что другое,
То и дѣло тутъ иное,
Можетъ быть и выйдетъ онъ
Да и приметъ твой поклонъ.“
—„Силой я, кажись, владѣю
И быка стащить съумѣю.“—
Тутъ медвѣдь ей возразилъ
И согласье изъявилъ,
Да потомъ и въ путь пустился.
Много-ль, малоль онъ возился,
Но въ назначенный лѣсокъ
Онъ скотину приволокъ.
Съ волкомъ тутъ онъ повстрѣчался.
„Ты, Левонъ, какъ здѣсь попался?“
Онъ у волка такъ спросилъ.
—„Что, Михайло, я просилъ
У бурмистра позволенья,
Приходить на поклоненье.
Вотъ барана и принесъ.“—

„Принесли мы цѣлый возъ.“
Тутъ Михайло отвѣчаетъ:
„Но бурмистръ вѣдь нашъ незнаетъ,
Что съ тобою мы пришли
Да подарки принесли.“
Звѣри долго тутъ болтали
И что дѣлать имъ незнали.
Вдругъ зайченокъ прибѣжалъ,
И медвѣдь его позвалъ.
„Сослужи, косой, намъ службу,
Какъ товарищъ, просто въ дружбу.
Котофею ты скажи,
Но съ почтеньемъ доложи,
Что Михайло молъ съ Левономъ
Къ вашей милости съ поклономъ
Въ день назначенный пришли.
И подарки принесли.“
Заяцъ бросился проворно
И съ почтеніемъ, покорно
Все лисицѣ передалъ,
Самъ же живо тягу далъ.
Котофей идетъ спѣсиво.
Звѣри молвятъ: „Что за диво!
Вѣдь звѣренокъ не большой,

А ужъ злющій-то какой;
И когда кого поймаетъ
Съ нимъ тотчасъ-же и кончаетъ."
—„Да, Михайло, я боюсь
И подъ хворостъ заберусь."—
„Да, Левонъ, и мнѣ сдается,
Что на сосну можно взлѣзть:
Тамъ въ вѣтвяхъ удобно сѣсть."
Звѣри тотчасъ размѣстились
И въ засадѣ притаились.
Котъ быка понюхалъ вяло
И сказалъ: „Ну это мало!"
А медвѣдь въ вѣтвяхъ сидитъ
И тихонько говоритъ:
„Вотъ прожора. Мнѣ, бывало,
На недѣлю доставало."
Волкъ подъ хворостомъ лежитъ;
Онъ едва пошевелился,
Но, услышавъ шорохъ котъ,
Полагалъ, что мышь скребетъ;
Да на хворостъ и пустился,
А какъ мыши не нашелъ,
Рыться въ хворостѣ пошелъ,
И такъ волку въ глазъ вцѣпился,

Что нашъ волкъ остолбенѣлъ,
Защищаться не посмѣлъ,
Да скорѣй давай Богъ ноги,
Котъ немного оробѣлъ,
Тоже бросился съ дороги
Да на сосну и вскочилъ,
А медвѣдь такъ испугался,
Что ужъ просто потерялся
Да съ сосны и соскочилъ,
Онъ въ паденьи такъ разбился,
Что печенки всѣ отшибъ,
Но, забывши про ушибъ,
Какъ помѣшанный пустился,
Безъ оглядки, въ темный лѣсъ,
Гдѣ и слѣдъ его изчезъ.
Котофей же нашъ съ женою,
Съ хитрой, умною лисою,
Стали жить да поживать,
Да богатство наживать.

9.

Лисица и журавлъ.

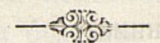
Разъ пошелъ крестьянинъ въ лѣсъ
И подъ сѣнію древесъ
Яму выкопалъ большую,
Хворосткомъ ее прикрылъ
И сказалъ: „Вѣдь за частую
Мой сосѣдъ звѣрей ловилъ,
Можетъ быть и мнѣ на долю
Попадетъ сюда ихъ въ волю."
И пошелъ себѣ домой.
Вотъ вечернею порой
Тутъ лисица пробиралась,
Да немного зазѣвалась
И съ размаху въ яму бухъ.
Тамъ она и землею роетъ,
И застонетъ и завоетъ,
Но вѣдь лѣсъ къ стенаньямъ глухъ,
И хоть хитрый звѣрь лисица
И на плутни мастерица,
Но изъ ямы какъ уйдти?

Какъ лазеечку найти?
Вотъ заря ужъ занималась,
А лисица все металась.
Мимо тутъ журавль летѣлъ
И на хворостѣ присѣлъ;
А какъ птица онъ большая,
Да тяжелая такая,
То онъ тоже въ яму бухъ.
Хоть лисица чуетъ пухъ,
Но нейдетъ ей въ умъ охота,
У нея своя забота.
Такъ и мечется она,
Страха сильнаго полна,
И всечасно восклицаетъ:
„У меня сто тысячь думъ!“
А журавль ей отвѣчаетъ:
—„Мнѣ одна приходитъ въ умъ!“—
Самъ же землю носомъ роетъ;
А лисица наша ноетъ
И товарищу кричитъ.“
„Дурень землю все долбитъ!“
Тотъ лисицѣ не внимаетъ
И долбить все продолжаетъ.
—„Ты вотъ думами полна,

У меня жъ всего одна!“—
Говоритъ онъ ей лѣниво:
„Ты хитра, такъ и не диво,
Что и думъ ты набралась,
Но отъ ямы не спаслась“..—
Какъ крестьянинъ пробудился,
Тотчасъ въ лѣсъ смотрѣть пустился
Не попалось ли чего
Въ яму новую его.
А лиса какъ услыхала
Что крестьянинъ къ нимъ идетъ,
Снова въ ямѣ засновала,
Такъ и мечетъ, такъ и рветъ;
Но журавль какъ снопъ свалился
И ни разу не дохнулъ,
Не метался и не бился,
Только ноги протянулъ.
„Умеръ видно съ перепугу,
Не уступитъ страхъ недугу!“
Тутъ лисица говоритъ,
А сама же все юлитъ,
Да про думы повторяетъ.
Но мужикъ тутъ поднимаетъ
Тихо хворостъ, и какъ разъ

Онъ лису подозрѣваетъ
Въ совершеніи проказъ,
И въ досадѣ восклицаетъ:
„Ну ужъ дамъ тебѣ трезвонъ!
Эка подлая лисица?
Хоть попапалась ты въ полонъ,
А тобой убита птица.“
Журавля же онъ беретъ,
Тихо на землю кладетъ
И, пощупавъ, продолжаетъ:
„Еще теплый! Кто тутъ знаетъ!
Можетъ быть и оживетъ!“
Но лишь въ яму онъ спустился,
Какъ журавль нашъ оживился,
Смѣло крыльями взмахнулъ
Да и быстро упорхнулъ,
Лишь лисицѣ протянулъ:
„Прогнѣвила ты, знать, Бога,
Хоть и думъ имѣешь много,
У меня жъ была одна,
И спасла меня она.“—
А лисица какъ ни ныла,
Какъ про думы ни твердила,
Все жъ убилъ ее мужикъ,

Не стѣсняяся ни мало,
И лиса моя попала
Къ мужику на воротникъ.

10.

Собака и овца.

Разъ овца по полю шла
И случайно набрела
На проказницу лисицу
Въ ловкихъ плутняхъ мастерицу.
Та сейчасъ овцѣ поклонъ
И, принявъ веселый тонъ,
„Что, кума, куда идешь?
Аль несчастливо живешь?
Али дома дѣло худо?“
Говоритъ она овцѣ:
„Для меня совсѣмъ не чудо.
Что за жалость въ продавцѣ,
Онъ гурты овецъ гоняетъ
Да деньжёнки наживаетъ“

—„Такъ“, отвѣтила овца:
„Я страдаю безъ конца.
Если мужъ мой провиниться,—
Я за все должна платиться
И побои принимать.
Да, по истинѣ сказать,
Я терплю худую долю,
Вотъ и вырвалась на волю.“
—„Это такъ, моя кума,
Я терплю бѣду сама:
Если стащитъ мужъ цыпленка,
Иль украдетъ гдѣ гусенка—
Я за все давай отвѣтъ.
То есть просто мочи нѣтъ.“
Такъ пойдемъ, кума съ тобою
Мы дорогою одною,
Будемъ вмѣстѣ горевать,
Дружка дружку защищать.
Надо жить намъ осторожно,
Хоть на сколько то возможно“—
И подруги въ путь пошли,
Да и въ темный лѣсъ зашли.
Съ ними волкъ тутъ повстрѣчался;
Онъ давно съ лисою знался

И кричитъ: „Кума постой,
Повидаться дай съ тобой.“
Тутъ лиса остановилась,
Волку братски поклонилась,
И пошли они болтать.
Волкъ нашъ шелъ довольно чинно,
Но его тулупъ овчинной
Сталъ волной своей прельщать.
„Ахъ, овца, тулупъ-то славной,
Но тулупъ вѣдь это мой.“
А лисица: „Какъ, молъ, твой?
Это просто, кумъ, забавно.“—
„Мой, по истинѣ скажу
А, коль хочешь, докажу.“
—„И присягу въ этомъ примешь?
Кумъ, смотри, грѣшно вѣдь лгать“...—
„Что тутъ долго толковать,
Я сказалъ, что присягаю.“
—„Я твою натуру знаю.“
Говоритъ ему лиса:
„Ты вѣдь всѣхъ звѣрей краса!“
И плутовка точно знала,
Что капканъ стоитъ вдали.
Какъ къ нему они пришли:

„Вотъ цѣлуй-ка кумъ присягу,
И тогда повѣрю я,
Что овчина, кумъ, твоя.
И овца недастъ ужъ тягу,
Вѣрь: я куму услужу
И овечку подержу“...
Волкъ капканъ впервые видѣлъ,
А обмана не предвидѣлъ,
И лищь носъ въ него вложилъ,
Какъ капканъ его схватилъ.
Тутъ подруги разсмѣялись
Да и съ волкомъ распрощались.
Волкъ подумалъ: „былъ я глупъ,
Что польстился на тулупъ.“
Жаль, что волкъ нашъ спохватился,
Какъ съ свободою простился.
Долго онъ въ капканѣ бился,
Долго рвался, долго вылъ,
Все-жъ мужикъ его убилъ.

11.

Набитый дуракъ.

Жилъ въ селѣ дуракъ набитый
Да такой недомовитый,
Что все изъ дому идетъ
И во всю гортань оретъ;
А когда кого встрѣчаетъ,
Безъ конца надоѣдаетъ,
И бѣгутъ все отъ него.
Не оставитъ никого
Изъ прихожихъ онъ въ покоѣ.
Гдѣ сойдутся двое, трое,
Онъ сейчасъ къ нимъ пристаетъ,
А, случалось, и побьетъ.
Дурака всѣ избѣгали.
Да и матери пѣняли,
Онъ лишь цѣлый день дуритъ.
Мать-же дурня и журила,
И частенько говорила:
„Дѣлай, дитятко, вотъ такъ!“
Но неслушаетъ дуракъ,

Все несетъ себѣ пустое,
Не пригожее такое,
Вотъ идетъ однажды онъ,—
Мужики овесъ молотятъ
И цѣпами такъ колотятъ,
Что идетъ по полю стонъ.
Тутъ дуракъ остановился
Да къ нимъ съ шуткой обратился:
„Молоти три дня сполна
Да отбей лишь три зерна!“
Мужики его схватили
И порядочно побили.
Вотъ пришелъ домой дуракъ,
Молвитъ: „Мать! вотъ такъ и такъ.“
—„Ахъ! ты, дидятко родное,
Ты бы имъ сказалъ другое:
И носить вамъ не сносить,
И возить вамъ не свозить!“
Нашъ дуракъ запомнилъ слово
И въ село идетъ онъ снова.
Вдругъ покойника везутъ,
А за гробомъ же идутъ
Всѣ знакомые родные,
Да печальные такіе.

Нашъ дуракъ на нихъ глядитъ
И вовсю гортань кричитъ,
Помня то, что дома слышалъ:
„И носить вамъ не сносить,
И возить вамъ не свозить!"
Но такой тутъ случай вышелъ:
Разсердились мужики,
Да на дурня и напали,
Такъ ему бока помяли
Что повсюду синяки
Тѣло дурня покрывали.
И пришелъ дуракъ домой,
Да такой затѣялъ вой,
Что старуха испугалась.
„Вѣрно горе повстрѣчалось",
Говоритъ она: „Сынокъ!
Сколько разъ тебѣ твердила,
Сколько разъ тебя просила,
Не ходи ты, паренекъ,
На село: опять повздоришь,
Ты вѣдь часто вздоръ гуторишь,
Вотъ и бьютъ за то тебя;
Пожалѣй ты самъ себя,
Сотню разъ я говорила"..

—„Ты сама меня учила,
Какъ я долженъ былъ сказать
Вотъ меня за эти рѣчи
Мужики давай таскать,
Колотили въ грудь и плечи.“—
„Чтожъ ты, дитятко, сказалъ?“—
—„По селу я, слышь, гулялъ,
Вдругъ покойникъ показался,
Я лишь съ гробомъ поравнялся,
И носить вамъ не сносить,
И возить вамъ не свозить,
Закричалъ, снимая шапку.
Мужики меня въ охапку
И давай меня тузить.
Какъ, молъ, смѣлъ такъ говорить!
Яжъ имъ: мать мнѣ такъ велѣла.
Мы те выучимъ пострѣла!..
Закричали мужики,
Да какъ примутъ въ кулаки,
Инда очи помутились,
Да и слезы покатились.
Я скорѣй бѣжать домой.
Вотъ каковъ урокъ-то твой!“—
„Ахъ, ты, дитятко родное,

Ты бы имъ сказалъ другое.
Надо, чадо, различать,
Что кому когда сказать.
Вотъ канунъ да ладанъ можно.
Жить ты долженъ осторожно,
Коль Господь ума не далъ.
Ты бы лучше помолчалъ".
Но дуракъ все вспоминаетъ
Рѣчи матери своей.
Какъ то свадьбу онъ встрѣчаетъ
И кричитъ на встрѣчу ей,
Шапку къ верху поднимая.
„Ей, канунъ да ладонъ вамъ!"—
Внемля этакимъ словомъ,
Къ дураку толпа большая
Тутъ съ дубиной подошла
И въ досадѣ начала
Дурня такъ учить сурова,
Что завылъ дуракъ нашъ снова,
И къ родимой онъ идетъ
Да бѣлугою реветъ.—
„Что же, дитятко, съ тобою?"
Молвитъ мать: „Ты слезы льешь,
Вѣрно съ новою бѣдою

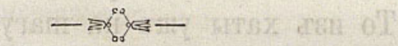
Горемычный ты идешь?"—
„Ты сама меня учила,
И не разъ мнѣ говорила,
Что я долженъ былъ сказать,
Но меня теперь опять
Больно такъ поколотили,
Что всѣ косточки заныли".—
—„Чтожъ ты, дитятко, сказалъ?"—
„Да я свадьбу повстрѣчалъ,
Передъ ней остановился,
Шапку снявши, поклонился,
И канунъ да ладонъ вамъ!
Только молвилъ,—тутъ съ дубьями
На меня напалъ весь людъ,
Всѣ меня жестоко бьютъ,
Кто дубьемъ, кто кулаками,
Сыплютъ бранныя слова,
Такъ что просто голова
Какъ отъ чаду помутилась,
И въ глазахъ все закружилось"..
—„Горемычный мой дуракъ!
Ты напрасно молвилъ такъ."
Мать тутъ дурню говорила:
„Я не такъ бы поступила:

Я бы дудочку взяла,
Да плясать бы начала.“—
Это дурню полюбилось,
И ему во снѣ все снилось,
Что на дудкѣ онъ игралъ,
И заря лишь загорѣлась,
Дурню спать ужъ не хотѣлось.
Онъ съ постели живо всталъ,
Всѣмъ иконамъ поклонился,
Да и съ дудкой въ путь пустился,
Но лишь вышелъ на село,
Какъ замѣтилъ, что свѣтло:
У сосѣда у Макара
Пламя грозное пожара
Охватило цѣлый домъ.
Нашъ дуракъ туда бѣгомъ.
Тамъ всѣ плачутъ, заливаютъ,
Просто голову теряютъ;
Нашъ же дурень дудку взялъ,
Пѣсню бойко заигралъ,
А потомъ и въ плясъ пустился,
Такъ и сыплетъ трепака,
Тутъ народъ весь возмутился
И напалъ на дурака.

Дурня такъ отколотили,
Головы чуть не пробили,
И несчастный дурень мой
Поскорѣй бѣжать домой.
—„Что ты, дитятко родное?
Что случилося такое?"—
Тутъ его спросила мать;
А дуракъ нашъ волкомъ воетъ,
То лицо рукой закроетъ
То опять начнетъ стонать.
„Что? меня всего избили,
Чуть ребра̀ неизломали,
Нѣту моченьки моей."
Тутъ дуракъ отвѣтилъ ей.
А старуха возразила:
—„Чай опять не такъ сказалъ!
Знать напрасно я учила!"—
„Я лищь въ дудку заигралъ,
Какъ пожаръ въ селѣ замѣтилъ."
Дурень матери отвѣтилъ.
—„Ну пеняй ты на себя,
Колю бьютъ вездѣ тебя.
Ты бы взялъ ведро съ водою
Да своею бы рукою

Заливалъ, да заливалъ.
Вѣрно всякій-бы сказалъ,
Что ты дѣлу помогаешь,
Какъ ты самъ-то не смѣкаешь,
Что гдѣ горе да бѣда,
Надо помочь дать всегда,
А на дудкѣ тамъ играютъ
Гдѣ веселіе справляютъ.
Натворилъ же ты проказъ
Но смотри, въ послѣдній разъ
Это дѣло пропускаю.
Если я когда узнаю,
Что ты какъ-нибудь сдурилъ,
Йль не ладно говорилъ,
То изъ хаты ужъ ни шагу."
Дурень слушалъ-да и тягу.
Онъ идетъ. Огонь пылаетъ,
А мужикъ свиней палитъ.
Дурень въ ужасѣ глядитъ
И ведро воды хватаетъ
Да съ размаху обливаетъ
И огонь и мужика.
Тотъ напалъ на дурака
И бока такъ дурню грѣетъ,

Что ужъ тотъ кричатъ не смѣетъ;
Но лишь вырвался, бѣгомъ
Поскорѣе въ отчій домъ,
И старухѣ вновь открылся,
Что съ нимъ грѣхъ опять случился.
Тутъ старуха говоритъ:
—„Много разъ тебя учила,
Но, какъ видится, могила
Только дурня изсцѣлитъ.“ —
Да и дерень догадался,
Что одинъ изсходъ остался —
Дома съ матерью сидѣть,
Да въ окошко лишь смотрѣть.

12.

Знахарь.

Жилъ былъ бѣдный мужичекъ
По празванію Жучекъ.
Мужичекъ тотъ былъ бѣдовый:
Онъ себѣ источникъ новый

Для дохода отыскалъ.
Разъ у бабы холстъ укралъ
И серьезно увѣрялъ,
Что талантомъ обладаетъ:
Ворожбу отлично знаетъ,
Все умѣетъ разгадать
И пропажу отыскать.
Баба тутъ къ Жучку явилась
И низенько поклонилась,
Да и молвитъ такъ Жучку:
„Отыщи мою пропажу,
Я за то тебя уважу
Да и дамъ могарычку.“
Въ миску Жукъ плеснулъ водицы,
Да метнулъ тута золицы,
Бросилъ пару угольковъ
И еще невнятныхъ словъ
Бормоталъ онъ очень много,
Всталъ и плюнулъ у порога,
А потомъ и говоритъ:
„Холстъ твой, бабушка лежитъ
Тамъ и тамъ—бѣги, покуда
Не взялъ кто его оттуда.“
Баба холстъ тотчасъ нашла.

И звонить о томъ пошла,
Черезъ три денька не болѣ
Конь у барина пропалъ,
Тотъ-же Жукъ его укралъ,
И нашъ баринъ по неволѣ
Въ домъ къ себѣ Жучка зоветъ.
Знахарь къ барину идетъ,
Ворожбу онъ начинаетъ
И спокойно объявляетъ:
„Баринъ! конь въ лѣсу стоитъ,
Землю роетъ и храпитъ.
Ты пошли туда скорѣе
Кто изъ конюховъ смѣлѣе.
Да вели проворнѣй взять,
Что-бы воры неузнали,
Да изъ лѣсу не угнали
Жеребца къ себѣ опять".
Кучера всѣ побѣжали,
Жеребца домой пригнали.
Баринъ тутъ Жучка хвалилъ,
Сторублевой наградилъ.
Весь народъ Жучку дивился,
И объ немъ распространился
Слухъ вовесь честной народъ.

Слава Знахаря ростетъ.
Знахарь нашъ былъ очень ловокъ,
Зналъ онъ тысячи уловокъ,
Но бѣда къ нему пришла,
Много горя принесла.
У Царя на зло пропало
Вдругъ вѣнчальное кольцо,
И, не медливши не мало,
Передъ царское лицо
Повелѣніе выходитъ
Тотчасъ Знахарю предстать.
Во дворецъ нашъ Знахарь входитъ
И незнаетъ что сказать.
„Видно черный день настанетъ.“
Знахарь думаетъ: „Бѣда!
Ужъ зашлютъ меня туда,
Гдѣ и силъ терпѣть не станетъ.
И куда, какъ говорятъ,
Не гонялъ Макаръ телятъ.“
„Здравствуй, добрый мужичекъ,
По прозванью ты Жучекъ!“
Царь такъ знахаря встрѣчаетъ:
„И молва у насъ вѣщаетъ,
Что всю мудрость ты позналъ,

Всѣ пропажи отыскалъ.
Отыщи мою пропажу.
Коль отыщешь, такъ уважу
И по царски награжу,
Не отыщешь накажу,
Накажу тебя я строго.
Видишь: вотъ мой царскій мечъ—
Голова свалится съ плечъ!“
—„Прогнѣвилъ я, вѣрно, Богъ“—
Молвитъ Знахарь про себя,
О грѣхахъ своихъ скорбя.
Въ силу царскаго веленья
Дали Жуку помѣщенье.
„Ночь ты, Знахарь, ворожи,
А на утро доложи
Мнѣ отвѣтъ твой непремѣнно.
Обѣщанье неизмѣнно
Я исполню.“ Царь сказалъ.
—„Ну теперь ужъ я пропалъ!„
Думалъ Знахарь:„ Какъ узнать,
Кто съумѣлъ колечко взять.“—
Полонъ горя и тревоги
Знахарь въ комнатѣ сидитъ,
И печально въ даль глядитъ;

Онъ дрожитъ, трясутся ноги . .
—„Эки тяжкіе грѣхи!
Позабуду я присягу,
Да и дамъ отсюда тягу,
Только третьи пѣтухи
Запоютъ средь ночи темной·"—
Думалъ бѣдный нашъ Жучекъ.
А средь комнатки укромной,
Притаившись въ уголокъ,
Межъ собою разсуждали
Кучеръ, поваръ и лакей,
Что кольцо Царя украли.
Намъ бѣда прійдетъ ей, ей!
Какъ колдунъ нашъ угадаетъ,
Кто кольцо Царя укралъ."
Тутъ одинъ изъ нихъ сказалъ:
„Грозно Царь насъ покараетъ!
Мы, ребята, всѣ въ троемъ
Тихо къ двери подойдемъ,
Въ одиночку, осторожно;
Если онъ узнаетъ насъ,
То покаяться тотчасъ
Будетъ намъ всегда возможно.
Можетъ быть онъ насъ проститъ

И Царю не повѣститъ,
Что холопы, молъ, стащили.“
Такъ на томъ и порѣшили.
И лакей къ Жучку идетъ,
А пѣтухъ, какъ тутъ, поетъ,
И мужикъ перекрестился.
—„Вотъ одинъ уже явился;
Я дождусь и двухъ другихъ.“—
Молвилъ онъ да и затихъ.
„Братцы! дѣло наше худо!“
Тутъ лакей друзьямъ сказалъ:
„Онъ меня тотчасъ узналъ.
То есть это просто чудо.“
Кучеръ къ Знахарю пошелъ
И лишь къ двери подошелъ,
Пѣтухи, какъ будто знали,
Тотчасъ громко закричали.
—„Слава Богу! есть другой;
Надо третьяго дождаться
И за дѣло приниматься.“—
Молвилъ Знахарь. Кучеръ мой
Тутъ безъ памяти пустился
И лишь въ комнату ввалился,
Все друзьямъ передастъ.

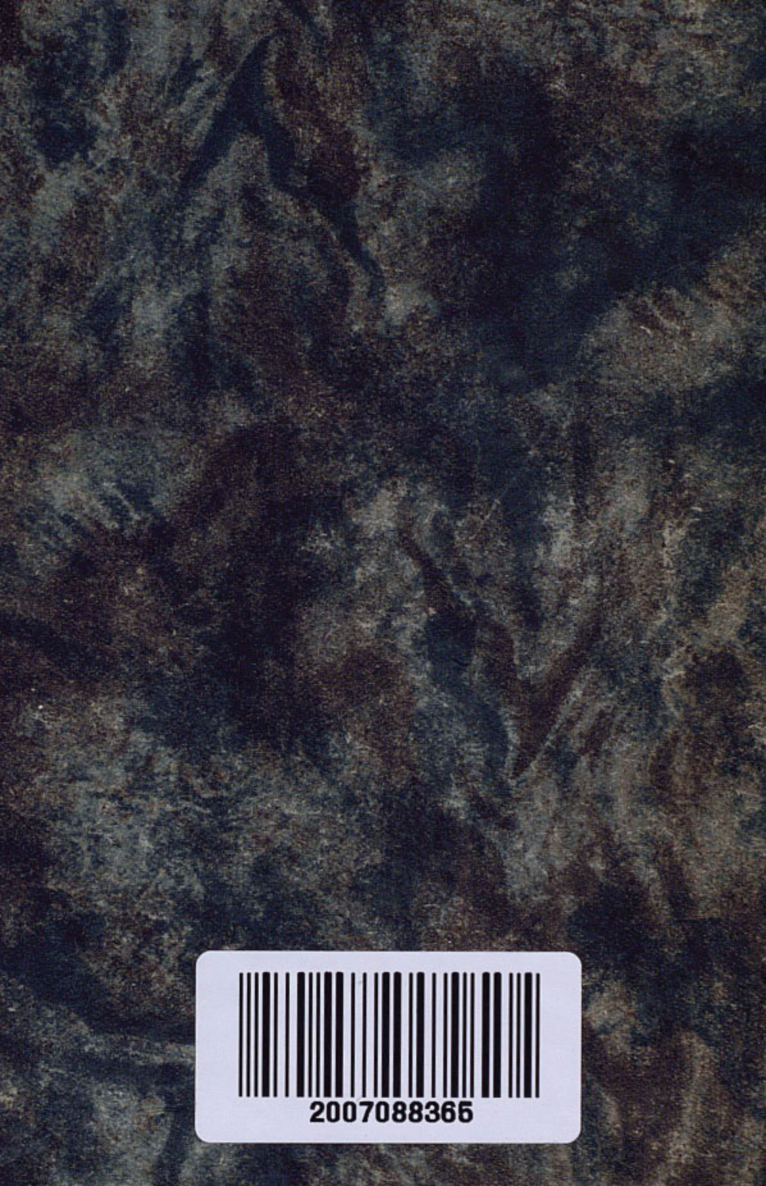
„Дѣло скверное идетъ.
Только къ двери я подкрался,
Онъ тотчасъ же угадалъ,
Да и прямо такъ сказалъ:
Вотъ другой; одинъ остался—
Надо дѣлать поскорѣй!
Всѣ пойдемте мы дружнѣй,
И коль третьяго узнаетъ,
Стало дѣло понимаетъ.
Въ ноги бросимся ему.
Можетъ будетъ и пощада!"
—„Но вѣдь, братцы, скоро надо
Мнѣ идти и самому."
Молвилъ кучеръ, и пустились
Къ двери Знахаря друзья.
„Хоть и очередь моя,
А вѣдь ноги подкосились"
Поваръ тихо говорилъ
И лишь къ двери подходилъ,
Какъ пѣтухъ запѣлъ крикливо.
Жукъ воскликнулъ торопливо:
—„Славу Богу! три ужъ есть!
Не легко мнѣ это снесть
И пора теперь въ дорогу."

Самъ же бросился къ порогу
И лишь двери отворилъ,
Да порогъ переступулъ,
Воры въ ноги вдругъ упали,
О пощадѣ умоляли,
Чтобъ покражу имъ простилъ
Да Царю не доносилъ,
И кольцо ему вручили.
— „Дурно, братцы, поступили!“
Молвилъ Знахарь:„ Но какъ быть?
Видно надо васъ простить.“—
И тутъ воры безъ оглядки
Всѣ пустились по дворамъ,
Засверкали только пятки.
Знахарь смотритъ на кольцо
И горитъ его лицо,
Какъ у красной у дѣвицы.
Щель нашелъ онъ въ половицѣ
И кольцо туда спустилъ.
Онъ вполнѣ доволенъ былъ:
Все устроилось такъ ладно,
Да и думать-то отрадно,
Что кольцо онъ отыскалъ.
Царь лишь утромъ пробудился,

Въ тотъ же мигъ распорядился,
И придворнымъ приказалъ,
Чтобы Знахаря позвали,
Но придворные сказали,
Что, молъ, найдено кольцо,
Но что царское лицо
Проситъ Знахарь во свѣтлицу.
Царь пришелъ да и спросилъ:
„Что, колдунъ, какъ ворожилъ?."
—„Прикажи, молъ половицу,
Царь, работнику поднять:
Надо тутъ кольцо искать."—
И дивился царь не мало,
Какъ кольцо вдругъ засверкало
Между стружекъ и въ пыли
Предъ Царемъ его нашли.
Царь тутъ отдалъ повелѣнье
Приготовить угощенье,
Самъ же въ садъ гулять пошелъ;
Онъ Жучка въ травѣ нашелъ,
Да, въ рукѣ его сжимая,
Молвилъ: „Знахарь! вотъ какая
Просьба есть еще къ тебѣ.
Коль силенъ ты въ ворожбѣ,

Подноготную всю знаешь,
То, конечно, отгадаешь,
Что въ рукѣ моей держу."
Знахарь сильно испугался
И промолвилъ:—„Доложу,
Что царю Жучекъ попался."—
—„Правда, правда!" Царь сказалъ:
„Молодецъ! ты отгадалъ!"
И Жучка онъ показалъ.
Ободрился Знахарь снова,
Что сказалъ такъ кстати слово.
Царь Жучка тутъ наградилъ
Да и съ честью отпустилъ.

ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
И. И. СМИРНОВА.
На Моховой, прот. Университета
въ домѣ Корзинкина.
ВЪ МОСКВѢ.

2007088365